

Калле КАСПЕР

Калле Каспер родился в 1952 году в Таллине в семье юристов. Окончил отделение русской филологии Тартуского университета и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве (теоретический курс). Автор шести сборников поэзии, тринадцати книг прозы, целого ряда пьес и киносценариев. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», «Новый мир». Лауреат премии имени Таммсааре (после выхода шестого тома романа «Буридань», 2013). Лауреат премии журнала «Звезда» (2005, 2017).

АННИКА¹

Перевод с эстонского Гоар Маркосян-Каспер

Париж, 2003 год

Глава первая

ГОЛОС

Анника проснулась, как всегда, от гроыхания мусороуборочной машины, и, как всегда, ее охватил бессильный гнев. Машина еще только приближалась к их дому, но шум уже был невыносим. Почему эту работу нельзя было делать немного тише или немного позднее? Создавалось впечатление, что мусорщики нарочно, в отместку тем, кому не приходилось вставать в темноте и рыться в отходах, с грохотом ворочали контейнеры и хлопали дверцами машин. Так это было в Милане, там даже хуже, поскольку Анника жила в районе гостиниц, где мусорные баки стояли сплошными рядами, но и тут, в Париже. Протест черной Африки против тунеядства белых – ибо мусорщиками трудились в основном негры. Только кто их сюда звал? Никто, миновала эпоха не только рабовладения, но и колониализма, нынче негры сами стремились в Европу и, ради того, чтобы до нее добраться, готовы были даже рисковать жизнью, а достигнув цели, страдали от непривычного климата, ходили по зимним улицам с отчаяньем в глазах, но возвращаться домой не хотели ни за что. С французами эту тему обсуждать не стоило, сразу слышались упреки в расизме, даже с Пьером надо было соблюдать осторожность, Анника хорошо помнила, как они впервые летели вместе из Милана в Париж, и по пути из аэропорта до дома Пьера, в электричке, вагон которой был битком набит неграми, она в шутку шепнула Пьеру на ухо (действительно только в шутку): «Послушай, а ты уверен, что мы в Париже, может, это Найроби?» Пьер промолчал, даже не усмехнулся, и Анника сразу поняла, что сказала что-то очень не то.

Мусоровоз доехал до их дома, послышался знакомый свисток, которым один мусорщик о чем-то оповещал другого – о чем именно, Анника не знала, десятки раз она обещала себе в следующий раз встать и выглянуть в окно, но в нужный миг не могла себя заставить – после свистка же сразу послышалось несколько громких ударов. Куда можно было спрятаться от этого шума? Другие выбрали бы под спальню комнату с окнами во двор, но она в том помещении распевалась. Да и наверняка и там нашлись бы свои источники грохота. В мире, казалось, уже не осталось уголка, где что-то бы не стучало, не

¹ Фрагмент из четвертого тома романа-эпопеи «Буридань» (также публикации отрывков см.: Звезда, 2015, №7; 2016, №12; 2018, №2, №3).

гудело, не визжало, не дребезжало, не тарахтело, когда все мотоциклы, сигнализации и динамики случайно замолкали, бухал, к примеру, фейерверк. Хочу на Рухну, подумала Анника жалобно. Одинокий остров, где она в детстве и в юности проводила почти каждое лето и где, помимо прочего, потеряла невинность, остался в ее памяти местом, где тишину нарушали лишь птичье пение, бляение овец и мычание коров и где можно было пойти на берег моря и слушать прибой без того, чтобы к этому примешивались другие звуки, разве что визг чаек. Увы, тоска по Рухну была чисто теоретической, и не только потому, что Анника привыкла к удобствам и не могла себе представить, как можно обходиться без душа и ходить во двор в нужник, просто родители уже продали дачу, после независимости стало невозможно ее содержать, и дорого, и хлопотно, к тому же раньше на Рухну летал кукурузник, а теперь вроде не стало даже вертолета, на который Анника все равно бы не села.

Мусоровоз отправился дальше, к следующему дому, и восстановилась относительная тишина, можно было еще немного подремать, но Анника знала, что если заснет, будет весь день сонной. С наибольшим удовольствием она бы сразу проверила голос, но Пьер еще крепко спал, муж от мусоровоза не просыпался. И почему бы ему не спать крепко и спокойно, разве у него были такие проблемы, как у Анники? Анника завидовала мужу, как она завидовала вообще всем людям с «нормальной» профессией, например младшей сестре Биргит, дизайнеру, или двоюродной сестре Кристель, районному, или, как теперь говорили, семейному врачу – да что про них говорить, она завидовала даже музыкантам, они-то могли после концерта сунуть свой инструмент в футляр, чтобы защитить его от ветра и дождя – а куда было ей прятать голос? Голос всегда был с ней, это была частица ее самой, ее тела, но одновременно и рабочий инструмент, который никогда не должен выйти из строя – поскольку как невозможно класть в стену кирпичи без мастерка или бурить дырку без дрели, так нельзя и петь без голоса. Другие считали ее везунчиком, которому природа сделала бесценный дар, и только сама Анника знала, что сопровождало этот широкий жест – бойтесь данайцев! – постоянный страх, что в некий жуткий день из горла не выйдет ни единого звука. Она сотни раз видела во сне один и тот же кошмар, как она стоит на сцене, должна спеть арию, оркестр уже берет первые ноты, она открывает рот – и голоса нет. Может, только у летчиков, подумывала она иногда, такая же или еще более нервная профессия, они ведь тоже находятся в зависимости от внешних обстоятельств – случится что-то с мотором, и что ты будешь делать? – но у них есть хотя бы автопилот...

Она повернулась на другой бок, и только сейчас... странно, что это не выскочило сразу, еще недели две назад она каждый раз, открыв глаза, чувствовала, как через голову словно проходит ток, и вслед за этим – ощущение счастья и волнения. Она – и Виолетта! На самом деле, Анника эту партию пела и раньше, даже несколько раз, но всегда в маленьких театрах, во французской или германской глуши, где зритель доволен уже тем, что для него вообще что-то исполняют, или в спектаклях на открытом воздухе, что было далеко от подлинного искусства и служило больше для того, чтобы пополнять семейный бюджет, а вот в Париже... Она вспомнила знаменательный день примерно год назад, когда вернулась из Таллина, или, вернее, из Тарту, и заметила уже в аэропорту, что у Пьера какой-то загадочный вид, до дома муж так и не продержался, едва вырлил машину на шоссе, как выплеснул: «У меня новость. Тебе предлагают роль в Шатле». Какую? – спросила Анника. В Шатле она уже пела, и не только там, но и в Опера, и совсем не маленькие партии, Микаэлу и Церлину, но на оперы Верди ее не приглашали, вердиевских партий, подходивших ее голосу, в принципе было мало, Джильду она в молодости пела, но из армии исполнительниц этой роли выбыла «по возрасту», тут охотились за совсем молоденькими, оставались только Виолетта, Амалия Гримальди, возможно, в будущем Елизавета – но точно не Гризельда, не леди Макбет и, скорее всего, даже не Амелия из «Бал-маскарада». Но «Бокканегру» ставили редко, «Травиату», правда, часто, однако за партию Виолетты была жесткая конкуренция, самая популярная роль, легче всего (или

труднее?) прославиться, да еще и написана так, что ее могли петь почти все сопрано, от лирического до драматического. Так что когда Пьер, выдержав небольшую паузу, с гордостью заявил: «Виолетту» (с гордостью, потому что чувствовал и свою заслугу), Анника сначала подумала, не сон ли она видит? Оказалось, что нет, все наяву, но ощущение сновидения не исчезло и теперь, за пару недель до премьеры. Ее преследовали приступы ужаса – а вдруг что-нибудь случится? Например, она простудится, потеряет голос? Премьеру, естественно, не отменят, это она знала хорошо, просто найдут замену, и ее мечта будет разбита...

Она снова изменила положение, на этот раз немного неосторожно, и Пьер сразу заворочался – шума муж не слышал, однако любое движение в кровати его будило. Некоторое время он еще лежал тихо, и Анника уже подумала, что он опять заснул, но вдруг он вскочил, так внезапно, что она даже испугалась, хотя и должна была уже привыкнуть к резким движениям мужа, все-таки двенадцать лет вместе – вскочил и направился, весьма уверенно обойдя в темноте кровать, в коридор и оттуда в ванную. Точно как отец, подумала Анника. Ребенком она много лет, пока родители не получили новую квартиру, спала в проходной комнате и слышала шаги отца, когда тот шел мимо нее в спальню или из нее, и когда она в первую проведенную у Пьера ночь проснулась на такие же шаги... Понемногу она поняла, что у двух этих мужчин немало общего, оба широкоплечие, с длинными крепкими руками, и неуклюжие, даже характеры схожи, несмотря на национально обусловленные различия в темпераменте, Пьер, правда, разговорчивее, тщеславнее и остроумнее, но ведь отец тоже не был лишен этих качеств, только у него они словно пребывали в спящем состоянии, просыпаясь изредка, в основном после нескольких рюмок коньяка. И что их объединяло больше всего, это, конечно, примирение с судьбой – отец теперь уже давно был на пенсии, но Анника хорошо помнила время, когда Вальдек Лоодер лелеял честолюбивые мысли стать завкафедрой, помнила и то, как эти грезы потихоньку развеялись. Пьер был моложе и еще сражался, но его упорство тоже из года в год ослабевало. Да и на какую славу может рассчитывать в современном мире музыковед? Написать монографию – это максимум, и этим Пьер и был занят почти все то время, что Анника его знала – но до завершения рукописи было еще далеко, каждая страница требовала недюжинной предварительной работы, надо было рыться в библиотеке, часами слушать пластинки, времени на это уходило много, и его еще следовало найти, оторвать от сна или отпуска, поскольку иные занятия, такие, за которые платили деньги, тоже нельзя было забросить, а все вместе было возможно только при постоянной самодисциплине, а вот этой последней у Пьера в последние годы стало недоставать – ибо, в самом деле, подумала Анника, ну, закончит он свою книгу, и что с того? Бестселлером она все равно не станет, Пьер же писал не о личной жизни певцов, а о вокальной технике, таким образом, наибольшее, на что муж мог рассчитывать, это признание коллег – а разве коллеги признают кого-либо другого, там каждый думал только о себе...

– Sa ei maga?

Это было одно из примерно двадцати предложений, которые Пьер выучил по-эстонски и которыми он пользовался каждый день, раньше, чтобы доставить Аннике удовольствие, а сейчас просто по привычке.

– Ei¹.

Только ответив, Анника испугалась – надо было воспользоваться отсутствием мужа и проверить голос, а она от рассеянности забыла, стала думать о всяких глупостях. Она это проделала сейчас, как только Пьер лег, прошлась по одному регистру, по другому, третьему, и облегченно вздохнула.

– Kõik on korras?

– Korras nagu Norras.

¹ «Ты не спишь?» – «Нет» (эстонский).

Эти реплики тоже относились к ритуальным, хотя Аннике так и не удалось объяснить мужу, почему эстонцы приняли именно суровую холодную Норвегию за мерило порядка. Но это и неважно – важно, что муж это более-менее единственный человек, кто действительно понимал ее страх за голос.

– Siis on hästi ¹.

Исчерпав таким образом одну седьмую часть своих запасов эстонского, Пьер повернулся лицом к Аннике и поднял край одеяла – ну, чего ты ждешь? И Анника без сожаления покинула согретую собственным телом часть кровати и перебралась в объятия мужа. Должно же у человека быть хоть одно место, где он чувствует себя в безопасности.

Глава вторая

... *È STRANO*

На парижских узких улицах даже сейчас, после окончания часа пик, было полно машин, так что они передвигались ненамного быстрее, чем пешеходы. В более теплый сезон Анника на репетицию предпочитала прогуляться, не до Опера, конечно, до той было все же слишком далеко, но до Шатле – да, однако зимой вдоль Сены часто дул ледяной ветер, и она не хотела рисковать. Метро она ненавидела, к тому же там всегда можно было подхватить заразу, так что, хотя сразу перед их домом находился вход во станцию, откуда можно было по прямой линии, без пересадки, доехать до Шатле, Анника им почти не пользовалась. После женитьбы они какое-то время снимали квартиру в тихом пригороде и перебрались в центр именно для того, чтобы избегать метро – оттуда Пьер никак не мог каждый день отвозить ее в театр и обратно. Новое обиталище было заметно дороже и поглощало большую часть Анникиных гонораров, но зато она теперь по-настоящему чувствовала, что живет в Париже, а не только ездит туда на работу. Когда не было репетиций, можно было после завтрака выйти на улицу и через пять минут оказаться в Люксембургском саду – почти как Жозефина, с которой Анника себя иногда сравнивала, ведь разве и она не возвысилась столь удивительно, правда, не до императрицы, а певицы, но для Анники это было даже драгоценнее, иногда она жалела, что не меццо-сопрано и не может петь «Золушку», ей было так близко то ощущение чуда, которая овладевает Анджелиной, когда принц просит ее руки. Был ли Пьер принцем? В тот раз, в Милане, когда он пригласил Аннику на обед и там, в одном маленьком неаполитанском ресторане сделал ей предложение, он действительно казался таковым – хорошо одет, с великолепными манерами, рядом с ним эстонские мужчины выглядели изрядными хамами – и, несмотря на это, Анника весьма и весьма колебалась и сначала не ответила определенно, не только потому, что было страшно покинуть родину навсегда, в Милане она ведь только училась, но и потому, что никаких особых чувств к этому «принцу» она не испытывала. Но тогда, едва ли не на следующий же день, грянул путч в Москве, что сделало ситуацию еще драматичнее, выбор, перед которым она стояла, вдруг приобрел чуть ли не экзистенциальный характер – неужели вернуться в идиотскую страну, где даже оперы истолковываются в духе классовой борьбы? – и она сдалась под напором Пьера. Путч, правда, провалился, но, однажды решившись, она не стала ничего менять. Жалела ли она сегодня о своем выборе? Нет, это точно. Правда, ореол Пьера понемногу поблек, то есть сначала он возник, муж оказался не только галантным ухажером, но и темпераментным любовником – но чем выше в своей карьере певицы поднималась Анника, тем более бледнел ее спутник. Со временем она поняла и то, почему на нее вообще обратили внимание – Пьер, возможно, подсознательно, искал себе в жены молодую певицу, из которой можно создать диву, самонадеянные француженки для этой

¹ «Все в порядке?» – «Как в Норвегии». – «Ну и ладненько» (эстонский).

цели не годились, а вот скромная восточноевропейка из бывшего социалистического лагеря должна была стать достаточно мягким воском в руках очередного Пигмалиона. Но то, что Анника сегодня словно видела мужа насквозь, не уменьшало ее благодарности, ведь Пьер ввел ее в совершенно другой мир, не в экономическом смысле, никакой особенной роскошью он окружить Аннику не мог, но в музыкальном – у Пьера была замечательная коллекция старых пластинок, и несколько первых лет они проводили все вечера, слушая и анализируя, как пели Патти и Тетрацини, Канилья и Тебальди, до сих пор Анника, подобно многим, считала лучшей певицей Каллас, и только Пьер объяснил ей, насколько ошибочна эта внушенная миром денег оценка. Пьер повел ее и к лучшему парижскому педагогу вокала, в Италии Анника хоть и получила хорошую основу, но учеба оказалась короткой, провал путча, как ни парадоксально, нанес Аннике вред, после развала Советского Союза не осталось никого, кто платил бы за ее уроки, из Таллина сразу сказали: «Что вы, у нас таких денег нет...» Жанин тоже работала не бесплатно, в этом новом мире, куда Анника попала, места альтруизму не было, или ты борешься за свое материальное благополучие, или перебираешься под мост через Сену, вот и Пьеру пришлось вначале вложить в ее уроки свои немногие сбережения, однажды даже брать кредит в банке, у родителей он просить не хотел, те хотя и были людьми обеспеченными, но предпочитали жить, ни в чем себя не ограничивая, сыну они дали хорошее образование и считали, что на сем их обязанности исчерпаны...

– Ваш любимый Нотр-Дам, мадам, – услышала она ироничную реплику Пьера и повернула голову направо. Пьер относился к парижским достопримечательностям весьма прохладно, Лувру он предпочитал поставленную в его дворе омерзительную стеклянную пирамиду, а над золотистым Гарнье смеялся публично, называя его эталоном дурного вкуса, зато Анника по сей день не могла не удивляться красоте своего нового родного города, вот и сейчас она почувствовала прямо-таки опьянение, разглядывая в течение тех двадцати секунд, которые потребовались, чтобы переехать мост Сен-Мишель (Пьер джентльменски снизил скорость), силуэт Нотр-Дама. Погода была облачная, и при мутном зимнем освещении собор казался серым, словно долго простоявший на воздухе белый пластилин, из которого Анника в детстве любила лепить всяких зверьков. Две тупые, словно недостроенные, по сравнению с таллинскими и тартусскими церквями, столь непривычные башни стояли героически, словно двое безголовых мужчин; Анника часто размышляла над тем, в чем состоит их очарование, и, наконец, решила, что, наверно, в том, что они как будто символизируют трагическое бессилие человека перед вселенной и временем. Нет смысла гоняться за невозможным, жизнь имеет очень конкретные очертания, и стремиться к максимуму надо в этих пределах.

Нотр-Дам промелькнул и пропал из виду, они переехали Сите, потом «мост валютчиков», как Анника в шутку окрестила мост Менял, и выкатились к Шатле.

– Kell kolm?¹ – спросил Пьер, остановив машину – числа по-эстонски муж знал.

Анника покачала головой.

– Kas sa ei mäleta, mul on kohtumine Kajaga².

Пьер глупо вытаращился на нее, Анника засмеялась и повторила последнее предложение по-французски.

– А, верно, – вспомнил Пьер.

– Я обещала сводить ее в Кафе де ля Пэ. Может, присоединишься к нам там, скажем, около пяти? – предложила Анника.

Как все мужчины, Пьер тоже был болезненно ревнив, потому Аннике приходилось внимательно следить за тем, чтобы не дать ему ни малейшего повода для подозрений – мало ли, что жена говорит, дескать, идет обедать вместе с кузиной, а на самом деле побежит после репетиции в гостиничную комнату тенора.

¹ «В три?» (эстонский).

² «Ты разве не помнишь, у меня встреча с Каей» (эстонский).

– Ты разве не помнишь, у меня запись, – сказал Пьер, в свою очередь с огромным удовольствием подчеркивая, что не он один невнимателен к делам супруги, но и наоборот.

– Ах да, верно, – притворилась Анника смущенной.

Эти телезаписи были для Пьера весьма важными с точки зрения самооценки, примерно раз в месяц ведущая музыкального канала собирала самых известных парижских музыковедов, чтобы проанализировать новейшие диски, фильмы и книги о музыке; беседа, правда, шла в духе легкой болтовни, но давала возможность блистать остроумием, и Пьер всегда был горд, если ему удавалось сказать что-то меткое.

Они договорились, что встретятся дома, Пьер добавил настойчиво, чтобы она не скупилась и взяла такси, поцеловал ее бегло в губы, и Анника вылезла из машины – при всей галантности мужа было бы чересчур ожидать, чтобы он вышел и открыл для нее дверь, современные европейцы так себя не вели.

Минутой позднее она уже шла по окрашенным в белый цвет коридорам театра, отвечая на приветствия оркестрантов, хористов и швей. Сегодня должна была состояться первая репетиция в костюмах, но обычного оживления это в Аннике не вызывало, постановщик и художник были из Германии, и что у немцев абсолютно отсутствовало, так это вкус – наоборот, казалось даже, что они получают какое-то особое удовольствие от уродования всего. Пьер полагал, что в этом выражается комплекс вины по поводу Второй мировой войны – немцы, вываливаясь в грязи, упивались своим унижением; может, муж и был прав, но что от этого Аннике? Костюм она уже видела на примерках, и никто не мог бы ей внушить, что он красив, вместо бального туалета девятнадцатого века ее Виолетте пришлось надеть простенькое платьице с пуговицами спереди, иными словами, почти халат. Правда, сидел «халат» на ней неплохо, французы умели даже самый жуткий костюм шить так, чтобы он изящно облегал тело, но это было небольшим утешением. С завистью Анника думала о временах, когда постановщики и художники старались имитировать особенности эпохи, это было, кстати, не так давно, судя по видеозаписям, всего лишь лет двадцать назад – теперь же исторические костюмы стали редкостью, которую позволяли себе только самые богатые театры, и то не всегда, остальные экономили как на тканях, так и на декорациях, перенося действие в наши дни.

В гардеробе, который своими выкрашенными в синий цвет шкафчиками и полочками напоминал Аннике ее «девичью» комнату в отцовском доме, все было уже готово, «халат» висел на вешалке, туфли, такие же простенькие, почти без каблука, ждали на полу. Надев платье, Анника на секунду остановилась перед зеркалом – действительно только на секунду, потому что никакого восторга зрелище не вызывало, и села за стол, чтобы поправить прическу и напудрить нос. Грим на эту репетицию еще не полагался, да и вряд ли тут вообще будет особый грим, постановщик добивался «жизненной правды» во всем, а в современной жизни ни одна уважающая себя европейка уже не красилась – кроме Анники, которая наперекор всем накладывала тени и подводила брови, не говоря о всевозможных кремах, и дневных, и ночных, от которых она не отказалась бы даже под угрозой смертной казни. «Неужели тебе нравилось бы, если твоя жена ходила по городу с блеклым морщинистым лицом, как все эти сумасшедшие феминистки?» – отвечала она на регулярные поддразнивания Пьера, мужа преследовали противоречивые чувства, с одной стороны, его тщеславию льстило, что его жена выглядит лучше, чем остальные, с другой же он стеснялся того, что Анника не желает придерживаться «передовых» воззрений. «Ты никогда не попадешь на сцену Опера, если пойдешь на прослушивание накрашенная!» – сказал он как-то ей с упреком. «Вот увидишь, попаду!» – ответила Анника и, как обычно, оказалась права.

Радиозузел заработал, ассистент сообщил, что участников первого акта вызывают на сцену, он старался говорить медленно и ясно, чтобы иностранцы тоже поняли, это выглядело искусственно, но симпатично, и Анника улыбнулась. В коридоре она встретила Карлоса, тенор, на голову ниже Анники, шел со стороны своего гардероба, в клетчатой рубашке, линялых джинсах, с главным компонентом современной мужской моды,

недельной щетиной на лице. Несмотря на убогий костюм, в маленьких карих глазах Карлоса сверкало безмерное довольство как собой, так и всем миром – и почему ему и не быть довольным, подумала Анника, тенора ценились высоко, так это было всегда, но в последнее время особенно, этот голос стал редкостью, и их гонорары были намного выше, чем у других певцов.

Они поздоровались радостно, как принято в театре, и пошли вместе дальше к сцене.

– А что, ваш костюм еще не готов? – сказала Анника *mezza voce*, на всякий случай интонацией обозначая, что шутит – тенора не всегда понимали юмора.

– Как же не готов? А это что? – ответил Карлос, торжественно показывая на рубашку, и лукаво добавил: – Честно говоря, я собирался задать тот же вопрос вам.

Они обменялись многозначительными страдальческими взглядами – не было такого певца, который не приходил бы в отчаяние от осовременивания опер; когда разговор сворачивал на эту тему, они ругали всласть диктатуру постановщиков, уничтожавших их жанр, и ностальгировали по времени, которого никто из них не видел, но о существовании которого они все прекрасно знали – о том времени, когда такой профессии, как постановщик, не существовало, были только дирижер, оркестранты и певцы.

Хор был уже на сцене, и, увидев, как они одеты, Анника чуть было не расхохоталась. Ну и зрелище! Карлосу хотя бы оставили рубашку, хористы же были вынуждены довольствоваться одними джинсами, при голых торсах. А хористки – бедные хористки! Все они, и молодые и немолодые, и худые и полные (больше полные, чем худые, пение добавляло веса) были облачены в самые что ни есть простецкие, различавшиеся только по цвету майки, оставлявшие бедра голыми, ибо юбок не полагалось.

Словом, не салон Мари Дюплесси, а дешевый бордель.

Мизансцены они репетировали всю предыдущую неделю, сегодня собирались их повторить, Юрген – так звали режиссера – хотел посмотреть, как движение гармонирует с костюмами. Такие наполовину «технические» репетиции были самыми противными, работа шла медленно, со многими остановками, петь во весь голос не имело смысла, да этого обычно и не требовали, но всего лишь обозначивать мелодию тоже было нельзя.

Из зала на сцену поднялся Юрген, в элегантном белом костюме (сам-то он любил хорошо одеваться), поздоровался со всеми, сделал Аннике комплимент, мол, ей подходит костюм (Аника проглотила это с кислым видом), сказал художнику, что он «очень доволен», и бросил быстрый взгляд в сторону оркестровой ямы. Джованни еще не было, но вот подошел и он, со своим обычным рассеянным видом, взялся за дирижерскую палочку, и когда Юрген вернулся в зал, за свой пульт, репетиция началась.

Они прошли начало первого акта, в ходе которого злополучных хористок заставляли проделывать самые дикие вещи, болтать ногами, лежа на спине на диване, и даже имитировать половой акт, потом Бриндизи и дуэт. На последний ушла масса времени, поскольку Юргена все никак не удовлетворяла игра Карлоса, Анника толком и не поняла, чего именно постановщик от несчастного тенора добивается, тот, по ее мнению, был достаточно романтичен и влюблен – но кто знает, может, как раз это режиссеру и не нравилось.

После короткого перерыва довольно долго провозились со сценой, где гости расходятся, и Анника уже стала побаиваться, что до ее арии сегодня так и не дойдут, но Юрген внезапно остановил репетицию, отправил хор домой, и Анника осталась на сцене одна.

Как создать верный внутренний настрой для последующей сцены, она придумала давно – ее всегда забавляло, что начальные слова ее арии, «...è strano, è strano...», означают по-итальянски то же, что по-русски – странно. Анника не однажды пыталась выяснить, совпадение ли это, или русские, недолго думая, просто переняли это слово у итальянцев,

но никто не знал. В любом случае, это выглядело немного комично – точно так же, как выглядело слегка комичным и внезапное признание в любви молодого дворянина ей, падшей женщине.

Вот это сходство она и использовала, дальше, когда правильное состояние было поймано, все шло уже просто, слова арии говорили сами за себя, не было нужды что-либо придумывать – сожаление по поводу неудавшейся жизни, мрачные, предугадывающие скорую смерть мысли, отчаянный, искусственный порыв веселья, и беглый луч надежды, когда вдруг померещился голос Альфредо. Мизансцена, к счастью, была самая обыкновенная, она должна была сесть перед зеркалом, начать снимать – воображаемый – мейкап, а в начале кабалетты встать и посмотреть вдаль.

Но как только она спела первые ноты, Юрген вмешался.

– Секундочку, пожалуйста.

Оркестр прекратил играть.

– Мадам Буридан, у меня возникла одна идея... – начал Юрген в микрофон, но не продолжил, а неожиданно вскочил и пошел в сторону сцены.

Мадам Буридан – это была она, Анника. Когда они с Пьером начали свою совместную жизнь и работу, сразу возник вопрос, под каким именем Аннике во Франции выступать. Свою фамилию Пьер отверг, она была весьма обыкновенной и не позволила бы создать вокруг Анники легкую таинственность, которую муж считал необходимой. Фамилия самой Анники, Лоодер, в эстонском написании выглядела бы глуповато, Пьер предложил поменять ее на французское *Lauder*, но это в свою очередь не понравилось Аннике, она не хотела, чтобы ее связывали с парфюмерной фирмой. Вот тут ей и вспомнилась девичья фамилия бабушки Виктории, которой дядя Пээтер уже пользовался в качестве псевдонима. Пьер эту идею одобрил, и она стала Буридан.

Поднявшись на сцену, Юрген подошел вплотную к Аннике и сказал приглушенно:

– Мадам Буридан, по-моему, эта мизансцена слишком обыденна. Я долго думал, как бы ее оживить, и сегодня ночью меня озарило. Тот текст, который вы поете – Виолетта словно обнажается перед публикой, не правда ли?

– Скорее, она разговаривает с собой.

– Ну, это почти одно и то же. В любом случае, в этой арии она до предела честна, так сказать, совершает духовный стриптиз.

– Возможно, в какой-то степени, – согласилась Анника неохотно.

– Ну так себя и ведите.

– В каком смысле?

Аника почувствовала, что краснеет.

– В самом прямом. Садиться не надо, останьтесь стоять, и с первой же фразы начните расстегивать платье. К *quell'amor ch'e' palpito* пуговицы должны быть расстегнуты, там сделаете небольшую паузу, а когда дойдете до *Sempre libera*, срываете с себя платье, отбрасываете и допевааете арию – словно вызов, стоя посередине сцены, лицом к публике. Все понятно?

Аника была так потрясена, что не смогла произнести ни слова. Пока она думала, что и как возразить, Юрген уже повернулся к ней спиной и спустился обратно в зал.

Джованни, который их разговора не слышал, посчитал, что обо всем договорились, поднял палочку и подал Аннике знак – первые ноты она должна была спеть без оркестра.

Хорошо, подумала Анника, петь я могу.

– ...è strano, è strano... *In core scolpiti ho quegli accenti!*

На секунду вмешались смычковые инструменты.

– *Sari'a per me sventura un serio amore? Che risolvi, o turbata anima mia? Null'uomo ancora t'accendeva,* – продолжила она, но в музыку уже врзался голос Юргена:

– Стоп!

Джованни отпустил палочку, наступила тишина.

– Мадам Буридан, будьте любезны, начните раздеваться с первых же нот, а то вы не успеете...

Анника почувствовала, как вдруг все взгляды обратились в ее сторону – Джованни, оркестранты... Даже Карлос, до реплик которого была еще пара минут, появился в кулисах и оттуда наблюдал за происходящем.

– Прошу с начала! – произнес Юрген требовательно.

Анника бросила умоляющий взгляд в сторону Джованни – ну скажи что-нибудь, защити меня, но дирижер, в повседневной жизни чрезвычайно скромный, даже стеснительный, смущенно смотрел в сторону, словно давая понять – это не мое дело, у каждого своя работа...

– Ну что ж, – подумала Анника. – Может, это и не так страшно...

Голых певиц она видела немало, это было словно манией – раздеть всех женщин, началось все с кинодив, дальше перекинулось в драмтеатр, а сейчас и в оперу. Правда, она сама всегда была уверена, что ничего такого никогда делать не будет, однажды, в начале карьеры, на нее в этой самой «Травиате» пытались надеть какую-то прозрачную хламиду, под которой было настоящее проститутское белье, однако она устроила скандал и костюм поменяли – но то случилось в провинции, где нравы были на ее стороне, директор театра отнесся к ее протесту с пониманием, и помощь Пьера даже не понадобилась – но тут был свободомыслящий Париж.

– ...è strano... è strano, – начала она, подняла руку к верхней пуговице, но сразу же отдернула ее, как ужаленная.

– Нет, – сказала она, поняла, что интуитивно заговорила по-эстонски, и повторила по-французски: – Non.

– В каком смысле – нет? – послышался на весь зал удивленный голос Юргена.

– Я этого делать не буду. Я певица, а не стриптизерша, – выпалила Анника громко.

При последних словах через оркестр словно прошел шорох, и Анника сразу пожалела, что ответила так резко. Пожалела, но в следующую секунду подумала – к черту, конфликт так конфликт.

Сердце билось, лицо пылало, может, было бы правильнее сойти со сцены и сесть в первый ряд, но Анника нарочно не двинулась с места – пусть видят, что она не боится Юргена. Она достаточно хорошо узнала западных мужчин – при всей внешней самоуверенности они были невероятно трусливы.

Однако, она не учла, что публичный бунт не оставляет Юргену выбора.

– Мадам Буридан, вы говорите так, словно вы считаете себя в чем-то лучше стриптизерш, – продолжил тот холодно. – Это опасное заблуждение. И вы, и они артистки, и ваше тело – это ваш рабочий инструмент.

– Мое рабочий инструмент не тело, а голос.

– В таком случае я советую вам переквалифицироваться в камерные певицы. В опере с такой философией делать нечего.

Последняя фраза звучала настолько категорично, что Анника поняла – теперь у нее нет выбора.

– Значит ли это, что я снята с роли?

– Если вы откажетесь выполнять творческую задачу, то можете интерпретировать это именно так.

Вот и все, подумала Анника. Прощай, Шатле, прощай, Виолетта! Конечно, она же не примадонна, с капризами которой считаются, она всего лишь одна из многих перебравшихся после падения железного занавеса с Востока на Запад певиц, таких как она великое множество, не разденется одна, это сделает другая, в вокале современный зритель все равно не разбирался, главное, чтобы фигура была тип-топ!

Она повернулась и прошагала стремительно, с гордо поднятой головой, через кулисы в коридор, по пути чуть было не сбив с ног Карлоса, который оживленно обсуждал что-то с электриком.

Глава третья

ПЕВИЦЫ И ПРОСТИТУТКИ

Чего не увидели Юрген, Карлос и оркестранты, то могли мельком лицезреть два молодых хориста, появившихся в коридоре как раз в тот момент, когда Анника мчалась к гримуборной – ей было так невтерпеж убраться из этого здания, что она стала снимать «халат» уже по дороге. Пусть тарашатся, подумала она равнодушно, она уже давно презирала западных мужчин, ставших рабами голого женского тела. Куда пропало их чувство чести? Так ли подобало вести себя потомкам рыцарей и трубадуров?

Молния жалобно завизжала, когда Анника гневно застегнула ее, свитер она таки надела сначала наизнанку, затем села – в последний раз! – на модный и неудобный алюминиевый стул, натянула сапоги, с молниями которых обошлась все же осторожнее – новые сапоги стоили немало даже в ситуации, когда с гонорами все было в порядке, вскочила, схватила куртку, шарф, шапку и сумочку, убедилась, что все это одновременно нести в руках невозможно, быстро влезла в куртку, вышла в коридор и помчалась, ни на кого не глядя, к выходу, краем глаза все-таки примечая заинтересованные взгляды идущих навстречу – в театре скандальные новости распространялись молниеносно. На выходе с ней пытались заговорить, но Анника не замедлила шага и, как это ни невежливо (в чем сторож-то виноват?), даже не попрощалась, кто знает, может, она и дверь бы хлопнула, но это, увы, было невозможно – новомодная тяжелая дверь не слушалась тебя, а закрывалась только с той скоростью, которая нравилась ей самой – как и жизнь.

Интересно, если бы мне дали выбрать – стриптиз или смерть, я и тогда отказалась бы раздеваться, подумала она, очертя голову убегая подальше от театра. Очень хотелось ответить на этот вопрос гордо: «А как же!», но такой молодой и глупой Анника все же не была, чтобы не знать – одно дело то, что ты полагаешь, а совсем другое, как поступаешь.

На ходу напялив на голову шапку и обмотав вокруг шеи шарф, она дошла до перекрестка и остановилась. Надо было позвонить Пьеру, правда, отсюда это делать было неудобно, мешал уличный грохот, но ее нервы были слишком расстроены, чтобы тратить время на поиски места потише. Дрожащими пальцами она вытащила из сумки мобильный телефон, номера, к счастью, набирать не приходилось, чуть ли не первый раз она убедилась, что прямой контакт на что-то годится, до сих пор она считала это забавой ленивых и глупых. Однако в следующий момент она чуть было не расплакалась от разочарования, ибо вместо обычного Пьеровского «уи» услышала анонимный женский голос, сообщивший, что телефон мужа отключен. Конечно, Пьер не ожидал ее звонка, он сидел в библиотеке, работал и не хотел, чтобы его тревожили. И что теперь делать? Анника глубоко вздохнула пару раз и решила для начала успокоиться – поскольку изменить что-либо все равно было уже нельзя. Караян в Зальцбурге выкинул Агнес Бальцу с генеральной, и никто ему помешать в этом не мог. Конечно, Юрген не Караян – но и она не была Бальцой, по крайней мере, пока еще. И уже не буду, подумала она убито. Конечно, ее карьера на этом не закончится, никто не может запретить ей петь, но она понимала, что с этого момента за ней, как шлейф, будет волочиться дурная слава капризного артиста. Ах, эта та Буридан, из-за которой чуть не отменили спектакль в Шатле?.. Ей стало ужасно себя жалко, и она подумала, ну почему я ответила Юргену так резко, если бы я не стала противопоставлять себя стриптизершам, может, и он вел бы себя сдержаннее, например, остановил бы репетицию и попытался договориться со мной мирно, и, может, тогда мне удалось бы его переубедить...

«Ничего тебе не удалось бы», – услышала она вдруг в левом ухе знакомый голос. Этот голос вмешивался в ее жизнь нечасто, но всегда в какой-то очень важный момент, и был это голос бабушки Виктории. Анника хорошо помнила бабушку, хотя и была еще

маленькой, когда та умерла, и они даже никогда не жили вместе, бабушка обитала в Таллине, их семья в Тарту. Но больше, чем бабушкин внешний облик, она помнила ее лаконичную, точную и категоричную речь. Ей казалось тогда, что бабушка знает все на свете, и хотя это явно было не совсем так, но она до сих пор была убеждена, что какие-то очень важные вещи бабушка действительно знала лучше всех. И сейчас ее голос вернул Аннику из мира фантазий обратно на землю – да, естественно, Юрген никогда бы не уступил ей.

«Так что я поступила правильно?» – спросила она про себя.

Бабушка не ответила сразу, но когда снова послышался ее голос, он был еще увереннее:

«У тебя не было выбора. Мир мерзок, люди подлецы».

Эту последнюю реплику Анника из уст бабушки уже слышала, правда, нечаянно – отец с бабушкой беседовали о чем-то на бабушкиной даче, она же играла в саду, и через открытое окно до нее донеслись эти слова, по смыслу тогда не совсем понятные. Когда она выросла и стала понимать значение, она подумала – при ней бабушка никогда не сказала бы ничего такого, это было предназначено только для папиных ушей и только в такой ситуации, в какую папа тогда попал – перед ним стояла сложная дилемма, от которой зависела его карьера. Позже отец неоднократно и по очень разным поводам повторял эту фразу, значит, она оказала влияние и на него. Разница была в одном – Анника хорошо помнила, что бабушка добавила к сказанному еще одно предложение, и вот его – «Но, Вальдек, это не означает, что мы должны быть, как все» – отец уже не повторял.

– Мадемуазель, я могу вам чем-то помочь?

Некий мужчина, немного похожий на Бельмондо, подошел к ней и слащаво улыбнулся. С Анникой это случалось и раньше, стоило ей где-то на улице размечтаться, как к ней начинали приставать, это было утомительно, но приятно – значит, ты еще интересуешь кого-то как женщина.

Она поблагодарила, сказала, что все в порядке, даже улыбнулась незнакомцу, но с тем уловимым оттенком, который говорил: не старайся, приятель, все равно у тебя ничего не получится, и пошла дальше. Мобильник она все еще держала в руке, теперь она сунула его обратно в сумку и огляделась, размышляя, где скоротать время. Недалеко находился центр Помпиду, но туда ее не тянуло, этот дом с трубами был мало похож на храм искусства – скорее на газовую станцию. С Пьером они неоднократно спорили об этом здании, муж, как и большинство французов, был очень прогрессивным, его пленяло все новое и экстравагантное, не только в архитектуре, но и в музыке, он пытался даже внушить Аннике интерес к Рихарду Штраусу и Бриттону, но Анника просто не выносила эту «додекафонию», как она окрестила всю додекафоническую музыку. Однажды, когда они очень нуждались в деньгах, она спела Арабеллу, и когда занавес закрылся в последний раз, вздохнула с огромным облегчением. Даже Гендель по ее мнению был не столь страшен, хотя она и не могла понять, что французы и прочие европейцы находят в его однообразной бесстрастной музыке. Однако, может, они именно бесстрастности и искали, зажавшиеся и самодовольные, они не желали никаких катаклизмов, ни в жизни, ни в искусстве, пусть им только дадут пить вино и смотреть порно. У Пьера тоже было большое собрание порнофильмов, которое он в первые годы их брака пытался продемонстрировать Аннике – для чего? Чтобы довести ее до какого-то чрезвычайного экстаза? Никакого экстаза эти фильмы не вызывали, только отвращение, и со временем Пьер отказался от подобных попыток; впрочем, кто знает, возможно, в отсутствие Анники он вовсе не слушал музыку, как утверждал, а глядел на потные тела? Анника старалась об этом не думать, точно так же, как она вообще старалась отгородиться от мира, который ее окружал – она не читала модные книги, представлявшие собой или такое же порно, или, в лучшем случае, нагонявшие такую же скуку, как Гендель, не ходила на выставки современного искусства, не говоря уже о концертах современной музыки. Что касается

оперы, то композиторов, которых она полностью и безоговорочно любила, было четверо – Россини, Беллини, Доницетти и Верди. Из написанных всеми прочими партий она с удовольствием пела только Мими и Маргариту, а вот Микаэла казалась ей уже весьма скучной, хотя «Кармен» в целом была ничего. Вагнера она ненавидела, Моцарта... Моцарт по мнению Анники был композитором, чья слава в жанре инструментальной музыки удерживала в жизни и его весьма монотонные оперы (хотя на голос они действовали неплохо). Даже «Корсар», несмотря на нелепое либретто, был намного интереснее «Волшебной флейты» – ибо Верди был разнообразным: романтичным, темпераментным, глубоким, он проникал в самые тайные уголки твоей души, заставлял страдать и чувствовать муки совести, очищал и возвышал. А меланхоличный Беллини! Ох, с какой радостью Анника пела бы Эльвиру или Амину, в первый раз это у нее, может, не получилось бы наилучшим образом, но во второй, в третий... Однако Беллини ставили редко, Доницетти, правда, чаще, но в основном только «Лючию» и комические оперы – Анника даже не слышала всех его произведений, их было много, некоторые вовсе забыты. Она любила и Россини, хотя этот жизнерадостный композитор был немного чужд ее северной натуре, но Россини, увы, свои лучшие, комические партии написал для меццо-сопрано...

Куда идти, она не знала, но и здесь, на забитой машинами Риволи не хотелось торчать дальше, поэтому Анника быстро, не дожидаясь, пока светофор переключится на зеленый – наедут, так наедут, перешла на другую сторону улицы и свернула в первый же переулок. Только сейчас она заметила, что ее куртка до сих пор распахнута, парижская зима, правда, мало напоминала эстонскую, вот и сейчас светило солнце, но воздух все равно был холодным, и легко можно было простудиться... ну и что с того, спросила она себя, машинально застегиваясь. Следующая работа предстояла только весной, в Ницце, стоило ли об этом заботиться? Стоило ли вообще заботиться о голосе, может, разумнее бросить пение?

Да, но что я тогда делать буду, задала она себе сразу следующий вопрос. Стану домохозяйкой, буду варить Пьеру супы? Готовить Аннике нравилось – но что об этом подумает сам Пьер, кому еще, кроме Анники, он будет нужен в качестве импресарио? И если даже нашлась бы другая певица, Анника никогда не позволила бы мужу стать ее агентом. А найти другую работу было очень нелегко, даже такому образованному человеку, как Пьер – на самом деле, именно у образованных возникали при поисках работы самые большие проблемы. Даже если он что-то и найдет, зарплаты, хотя бы приблизительно напоминающей Анникины гонорары, он точно не получит. А это значит, что им придется ограничить свои расходы, для начала переселиться в квартиру подешевле... Конечно, дети – тогда они, наконец, смогли бы иметь детей, что было мечтой их обоих, Пьера не меньше, чем ее, супруг дожил до возраста, где отсутствие потомков начинает беспокоить мужчин – да, но опять-таки как накормить еще большую семью? Дети почему-то связывались у Анники с Люксембургским садом, она часто воображала, как идет туда гулять, сперва толкая перед собой коляску, потом ведя малышку за руку – но если вместо Люксембургского сада ее будет окружать дешевое предместье, полное противных арабов? Ненависть Анники к арабам была совершенно конкретной, никто, Пьер в том числе, не знал, что ей однажды пришлось пережить, она скрывала это от всех, но если бы у нее появилась возможность мстить, она бы их всех с удовольствием отправила на другой свет... Жить, изо дня в день боясь насильников? Арабы – это не французы, они не ухаживают, они идут и берут, если появится возможность, одна только мысль, что она может опять встретить их где-то, кроме относительно безопасного центра, была невыносима, уж лучше она вернется в Эстонию... Но что Пьеру делать в Эстонии? И какое будущее ждет их детей, если у них не будет средств, чтобы дать им образование? Надеяться на то, что Пьер однажды получит наследство родителей? Нет ничего более подлого, чем рассчитывать на чью-то смерть...

Конечно, можно было пойти на компромисс – ей же необязательно вовсе отказываться от пения, можно просто больше не думать о карьере, довольствоваться провинциальными театрами и летними фестивалями, петь всякую чушь – Люлли, Карпентьера...

Она остановилась, достала из сумки мобильник и снова позвонила Пьеру – тот все еще не отвечал. А вдруг он нарочно избегает меня? – возникло у Анники неприятное подозрение. Может, муж уже слышал про происшедшее и не знает, что ей сказать? Это было отнюдь не невозможно, Пьер был с директором театра накоротке, в конце концов, это он заключал договора за Аннику, это была его работа, которую муж, правда, делал не с очень большой охотой – музыковед, и должен заниматься пошлым бизнесом, но делал, это был его вклад в семейный бюджет, так что вполне возможно, что кто-то уже сообщил, что договор аннулирован. Но почему Пьер ей сразу не позвонил, он же должен понимать, что Анника вне себя, неужели и муж полагает, что она повела себя глупо – подумаешь, важность, показать публике свои прелести, что тут такого, все современные кинозвезды так поступают ... Но нет, этого не могло быть, наверно, Пьер просто углубился в какую-то партитуру.

Она посмотрела на часы – было почти три. С Каей у нее была договорено randevu на полчетвертого у Гарнье, так что следовало поторопиться. Встречи с родственниками были главным утешением ее эмигрантской жизни, время от времени кто-то приезжал из Таллина или Тарту и останавливался у Анники, то Биргит, то дядя Пээтер, или еще кто-нибудь, но чаще всего в Париже бывала Кая, которая и сама уже немало лет жила за рубежом, в Милане, где она поселилась после окончания университета с одним молодым ломбардцем, любовь, правда, скоро прошла, но возвращаться на родину Кая не стала, она нашла работу в агентстве мод, сумела там пробиться, сделать карьеру и зарабатывала теперь очень прилично, наверно, не меньше, чем Анника. Какова была точная должность Кая, Анника даже не знала, в любом случае, дела заставляли двоюродную сестру много ездить по миру, несколько раз в году она попадала и в Париж, правда, у Анники не останавливалась, и вообще всегда ужасно спешила, но пару часов, чтобы вместе пообедать и поболтать, находила всегда – Кая тоже скучала по родным.

Да, но в какой стороне находилось Гарнье? Анника огляделась, окружение показалось ей чуждым, что было даже странно, поскольку она неплохо знала центр, в первые годы они с Пьером много гуляли по Парижу, в самых разных районах, на Бульварах, на Шанзелизе, на Монмартре и в Марэ – но вот в этот квартал они почему-то ни разу не попадали. Можно было, конечно, спросить у кого-то дорогу – но успеет ли она за оставшееся время добраться до оперы пешком? Очевидно, надо взять такси – но ни одной машины тоже видно не было, и только сейчас Анника поняла, что она на пешеходной улице.

На минутку она задумалась, стала оглядываться по сторонам – справа должен быть Севастопольский бульвар, там она непременно поймает такси. Придя к этому выводу, она свернула в переулок, он был узкий и темный, и она прибавила шагу, чтобы быстрее оттуда выбраться, но тут ее взгляд остановился сперва на одном, потом на другом тротуаре, и она снова замедлила шаг...

Они стояли, по одной у каждой двери, застывшие, словно мраморные скульптуры, или, вернее, скульптуры из разных материалов, не только из мрамора, но и из слоновой кости и черного дерева – стояли и пустыми взглядами смотрели перед собой. Ни один мускул не шевелился на их лицах при приближении Анники, ни одна из них не повернула головы, не поинтересовалась, кто это идет мимо, но и не смутилась, не опустила глаз. Должно быть чрезвычайно мучительно удерживать одно положение в течение долгого времени, Анника знала это, разве она в детстве и в молодости мало стояла часами на сцене Певческого поля, в ходе репетиций певческого праздника, только тогда было лето и она пела, эти же женщины мерзли тут по совсем другой причине... Кто их так расставил, в два прямых ряда, с одинаковыми промежутками, будто в каждом доме не могло быть больше

одной женщины, но и будто ни один дом не мог существовать без таковой? Мизансцена эта отдавала чем-то бездушным и искусственным, так, словно и продажную любовь выставили в витрине супермаркета... И все же, Анника была в этом уверена, никто не заставлял этих девушек стоять здесь, они сами, по непонятным для нее причинам, предпочли проституцию работе за кассой магазина или на конвейере...

Кстати, вполне возможно, что они зарабатывали больше, чем она, ибо много ли осталось людей, любящих оперу, а вот мужчин, готовых платить за краткое удовольствие, хватает всегда. Кто знает, может и Пьер ходил время от времени сюда, в квартал Сен-Дени – Анника вдруг вспомнила, где она находится, – а если не ходил теперь, то наверняка делал это раньше, до встречи с ней. И вообще – в самом деле, чем она так уж отличалась от этих женщин? Она тоже продавала себя, или, вернее, свой голос, и эта сделка становилась возможной только благодаря тому, что кто-то был согласен платить за то, чтобы ее слушать – и на нее посмотреть. Так что похоже, что Юрген был прав, когда советовал Аннике не ставить себя выше проституток, то есть он сказал стриптизерш, но по мнению Анники это было одно и то же – все они были проститутками, все, кто служил системе, называемой капитализмом.

Вдруг она вспомнила, как вместе с одноклассниками в свое время издевалась над Брежневым, который, будучи главой большого государства, бормотал как старик – да он и был стариком – и ей стало стыдно за свою глупость. Ибо насколько бы ни был дряхл и жалок Брежнев, в его время не было проституток, наоборот, тогда заботились о том, чтобы талантливые люди, такие как Анника, могли бесплатно учиться. Анника не забыла, с какой завистью на нее глядели однокурсницы в Милане, когда она им рассказала, что никогда не платила ни копейки за учебу в музыкальной школе и в консерватории – тут, на западе, это было невозможно. Так что кто знает, родился она не в Советском Союзе, а в мире, который принято называть «свободным», может, и она не стала бы певицей, а стояла бы сейчас в ожидании клиента на тротуаре...

Она повернула назад – пройти сквозь этот застывший строй не было сил, это было трудно даже под руку с Пьером, как это пару раз случалось, Сен-Дени был не единственным таким кварталом, но одной – уж совсем. И все же благодаря этому Анника сориентировалась и поняла, что совсем не надо было сворачивать с пешеходной улицы в сторону, еще метров сто – и она выйдет по ней на Бульвары, а там можно или взять такси, или поехать к Гарнье на метро.

Надо привыкать быть экономнее, подумала она с иронией через пару минут, спускаясь по лестнице под землю.

Глава четвертая

КАЯ

Пьер позвонил, когда Анника у Лафайет снова выбралась наверх. Он еще ничего не знал, услышав новость, был весьма обескуражен, но быстро собрался, задал несколько уточняющих вопросов и сказал:

- Я сразу же позвоню в театр. Не беспокойся, все уладится.
- Каким образом? – поинтересовалась Анника скептически.
- Есть же договор, – сказал Пьер и поспешно попрощался, он уже торопился на запись.

Договор? – подумала Анника холодно и отчужденно. Какая может быть польза от договора?

Тут она вспомнила, что после случая с эротическим бельем они обсуждали, что делать, если такое повторится, и Пьер сказал, что впишет в типовой договор Анники пункт, который защитил бы ее от своеволия постановщиков. Как эта формулировка точно

звучала, Анника не помнила, кажется, речь там шла об «унижении женского достоинства», определение должно было быть достаточно «округлым», чтобы не казаться «дамочкой с претензиями», да и просто смешной – но она ничуть не верила, что в Шатле от этого могла быть какая-то польза. Каждый пункт можно интерпретировать по-разному, и Юрген может спокойно сказать, например, что обнаженность отнюдь не унижает достоинство такой красивой женщины как Анника – и поди спорь с ним. Но Анника радовалась уже только тому, что Пьер немедленно встал на ее сторону, муж со своей французской либеральностью мог вполне проворчать: «Ну и чего ты брыкаешься? У тебя, что, нечего показать?»

Она сунула мобильник в сумочку и поспешила дальше – уже было больше, чем половина.

Кая стояла у Гарнье, под левым фонарем, высокая и стройная, или, вернее, худая, в тонком черном пальто и с непокрытой головой, светлые волосы подстрижены «под мальчика». Маленький чемоданчик на колесиках стоял рядом с ней на асфальте, Кая же кружилась вокруг собственной оси, пытаясь не выпускать из виду ни одного направления. Кого она мне напоминает, подумала Анника, и сразу сообразила – конечно, Гавроша, такая же бодрая, смелая, бойкая.

Увидев Аннику, Кая испустила радостное восклицание и раскинула руки, не обращая ни малейшего внимания на любопытствующие взгляды окружающих – в этот час площадь была полна туристов и назначивших randevу парижан. Зимнее солнце опустилось уже совсем низко, позолота на фасаде Оперы сверкала в его лучах, и было счастьем встретить в таком сказочно красивом месте – вообще Париж по мнению Анники был сплошной сказкой – родную душу.

Они порывисто обнялись, и Аннику снова удивило, до чего костлява двоюродная сестра. Вообще Кая выглядела не очень хорошо, за год, который они не виделись, она постарела, кожа на ее лице стала сухой и шершавой, и под очками, у уголков глаз появились первые морщинки. Но жизнерадостности она не потеряла, была такой же веселой и бесшабашной, как и раньше, хохотала и заразила своим хорошим настроением и Аннику.

– Я с двенадцати часов тащу этот чемодан за собой, как уборщица пылесос, – сообщила она, смеясь, когда они уже повернули, чтобы перейти на другую сторону улицы, под цокот колесиков. – Лень было еще раз возвращаться в гостиницу. Оставили бы комнату, тогда еще да, но терять время только из-за чемодана нет смысла. По-моему, эти колесики – наикрупнейшее изобретение последних десятилетий.

– Интернет, наверно, все-таки покрупнее, – возразила Анника. – Раньше мои телефонные счета были просто кошмарными, а письма в Эстонию шли в черепашем темпе, сейчас же мы с Биргит чуть ли не каждый день общаемся по интернету.

– Это хорошо говорить человеку, имеющему мужа, который тащит чемоданы! А вот я за то, что моя спина больше не болит, в долгу перед двумя людьми – перед шумером, придумавшим колесо, и тем нашим современником, которому пришлось в голову приделать их к чемодану.

Обсуждение темы пришлось прекратить, поскольку путь был недолог, какие-нибудь пара десятков метров, и они вошли в вестибюль Кафе де ля Пэ. Там сразу началась обычная комедия, навстречу им устремилась целая орава мужчин и женщин в умопомрачительной униформе, прозвучал многоголосый «Бонжур!», кто-то помог снять пальто, кто-то взял шапку и шарф, кто-то проводил до стола, еще кто-то принес меню эт цетера. Даже Кая была если не потрясена подобным приемом и красивым интерьером, то, по крайней мере, удивлена, и Анника довольно улыбнулась – именно такого эффекта она и добивалась. Она хорошо помнила, как у нее дрожали колена, когда Пьер в день их помолвки привез ее сюда обедать, она, правда, уже несколько лет жила за границей, но такой роскоши не видела, в Милане она в основном жарила себе в комнате общежития яичницу на маленькой электроплите. Поэтому, когда у них с деньгами стало полегче, она

всякий раз, когда работы было много и не оказывалось времени готовить обед, приглашала гостей сюда – кормили в де ля Пэ, правда, не очень, но на это можно было не обращать внимания, во всем Париже оставалось все меньше мест, где можно было вкусно поесть, зато антураж...

Спектакль все продолжался, сначала к их столу подошел молодой человек, единственной задачей которого было ознакомить их с сегодняшним фирменным блюдом, а после него настало время официанта по вину. С ним у Каи, которая уже успела приспособиться к обстановке, возник целый диспут о том, вино какого года выбрать, официант защищал один год, а Кая другой, в итоге они пришли к компромиссу, решив, что во Франции и в Италии в эти годы был разный урожай.

– Куда ты меня притащила, тут же страшно дорого, – сказала Кая, открыв меню.

– Ничего, Пьер все спишет, – ответила Анника.

Ей понадобилось не так уж много времени, чтобы понять: капиталистическая система построена на стимулировании транжирства. Не было смысла экономить на самолетных билетах, на ресторане и на такси, надо было только аккуратно собирать все чеки, дальнейшее было делом Пьера. Слишком нахально он налоговую декларацию, правда, не заполнял, одежду, обувь и косметику, как некоторые коллеги, заносить в графу расходов не осмеливался, но машину они купили «для нужд дела», и траты на бензин муж тоже списывал с доходов, вот только талонов на метро Анника не откладывала, хотя Пьер это ей и советовал, и так было достаточно противно жить, зная, что множество вещей, за которые простые граждане платят по полной, тебе, якобы предпринимателю, даются значительно дешевле.

В сумочке снова заиграла музыка, Анника извинилась и достала телефон. Это был Пьер, муж звонил из машины, по пути на студию.

– Я только что говорил с директором, после записи заеду в театр, он меня будет ждать. Он упомянул, что твое присутствие было бы тоже желательно, но я сказал, что это невозможно. Почему, я объяснять не стал, а спросить он не осмелился, я дал ему понять, что ты страшно оскорблена.

Пьер спросил еще, все ли в порядке и встретила ли Анника со своей кузиной, подозрений в его голосе Анника не обнаружила, муж, кажется, просто беспокоился за нее. Анника успокоила его, объяснила, что они уже сидят в Кафе де ля Пэ и изучают меню, потом светофор перед Пьером позеленел и он быстро распрощался.

Кая воле-неволей подслушала их беседу.

– У тебя, что, неприятности? – спросила она, когда Анника сунула мобильник обратно в сумку.

В метро Анника решила, что не будет Кае ничего рассказывать, но сейчас, под влиянием внезапного импульса, вдруг разоткровенничалась.

– Да, представь себе, меня хотели сегодня на сцене раздеть.

Она длинно и красочно рассказала, как все произошло, про требования Юргена, про собственный бунт, и про то, как ее выкинули с репетиции.

– Вот и прощай, Виолетта! – сказала она в завершение. – Слава богу, не успела еще никого пригласить на премьеру. – Потом она вспомнила одну мысль, пришедшую ей в голову в метро, и добавила: – Знаешь, что самое странное? Что на самом деле ни одному певцу диктат режиссеров не нравится, между собой мы их часто ругаем – но когда возникает конфликт, никто за коллегу не заступится, каждый думает только о себе.

Кая хотела как будто что-то ответить, но именно в этот момент подошел официант, чтобы принять заказ. Когда он ушел, Кая вытащила из сумочки пачку сигарет.

– Представь себе, я слушала тебя и думала – о господи, куда мы попали? – начала она, нервно зажигая сигарету. Глубоко втянув, она с шумом выдохнула дым, и вдруг испугалась. – Ох, я даже не спросила, как твой голос относится к тому, что я тут дымлю? – И только когда Анника успокоительно махнула рукой, Кая продолжила: – Я, наверно, ужасно тупа, потому что, хочешь верь, хочешь нет, но я была убеждена, что у вас таких

проблем не бывает. Ну, что опера – это словно такая большая природно-охраняемая зона, где собрались благородные люди, которые посвятили свою жизнь великому искусству. – Она выдержала небольшую паузу и продолжила: – Видишь ли, дело в том, что мне за эти годы довелось выслушивать исповеди примерно такого рода десятками. Не удивляйся, а лучше вспомни, где я работаю. Каждой весной, после окончания учебного года к нам в контору начинают являться романтические золушки со всех концов света. Все эти красотки, или, вернее, девчонки, которые полагают, что они красотки, те, кому внушили это со стороны, или те, кто вбили себе это в голову сами, представляют свою будущую профессию в возвышенных тонах, примерно так, что я, молодая богиня, ступлю на подиум, и сразу же засверкают вспышки фотоаппаратов. Ну, они, конечно, знают, что кроме шуб и брючных костюмов надо демонстрировать публике и такие летние платья, которые ничего не прикрывают, а для рекламы кое-каких товаров, например, шампуней, даже раздеться, но они воспринимают это как нечто естественное – ну, что поделаешь, под душ человек в одежде не пойдет. Словом, в некоторых аспектах они морально подготовлены, но есть и многое такое, о чем они дома, обнимая любимого плюшевого мишку – ибо в основном это девочки из хороших семей – и подумать не могли. И в первую очередь то, что ничего романтического в их профессии нет, вот ни столечко... – Кая показала Аннике край ногтя, коротко подрезанный и ненакрашенный. – Все очень даже вульгарно, их тело – это товар, который покупают. И именно так все вокруг к нему и относятся – как к товару. Когда это, наконец, до них доходит, они оказываются шокированными. То есть я, что, то же самое, что торшер? Они гордо вскидывают голову, пытаются не сдаться на милость судьбы. На какой-то миг им это обычно удается, поскольку всегда находится некий принц, естественно, уже не на белом коне, ибо ездить верхом современные принцы не умеют, а за рулем красной спортивной машины, и этот принц развеивает их сомнения. «О, моя красавица, разумеется, ты не торшер! Клянусь тебе всем своим имуществом, что ты даже не стиральная машина! Как ты вообще могла такое подумать, кто тот негодяй, который тебе это сказал, покажи его мне, я вызову подлеца на дуэль и убью шампуром!» За этим следует выезд на роскошную виллу где-то на озере Комо, близко к месту, где Муссолини скрывался от партизан, ужин при свечах, любовь на шкуре белого медведя – ну и продолжается эта сказка ровно до следующего полудня. После этого иллюзии утрачены, и девица почти что готова. К чему? Сейчас объясню. Видишь ли, твой Юрген старался тебе доказать, что профессии певицы и стриптизерши похожи. Не знаю, как насчет певиц, но вот профессии стриптизерши и манекенщицы действительно практически одно и то же. И как стриптиз притягивает определенного рода мужчин, так и показ мод. Ты встречала стриптизершу, которая в свободное от основной работы время не трудится по совместительству понятно на каком поприще? Не знаю, может, иная и найдется, но в целом эти два занятия связаны между собой как цикл хуторской работы – уточнять не буду, мы за столом, сама поймешь. Вот и в нашем деле то же самое – если тело товар, так зачем ограничиваться его показом и фотографированием? Почему не покупать его еще для кое-каких нужд? И не только покупать, но и арендовать, обменять на какую-то нужную услугу или просто пользоваться бесплатно – как у нас в культурных городах кое-где бесплатные туалеты. Короче, чтобы тебя долго не мучить, на этой работе практически невозможно удержаться, если ты отлыниваешь от того, чего от тебя на самом деле хотят. И потому через некоторое время все эти девицы начинают переходить из рук в руки, как самые обычные шлюхи – ты посмотри по телевизору, это написано на их лице. Только единичные очень сильные личности могут повернуть ситуацию в свою пользу таким образом, что не их выбирают, а они сами выбирают – но девственницами не останутся и они. Однако до того, как окончательно пасть, более-менее каждая девчушка ходит ко мне как к своему менеджеру поплакаться – владелец за семью замками, у него нет времени на подобные дела. Вот она спрашивает у меня – что ей делать? Все хотят от нее только одного, без этого нет работы, а если нет работы, то нет и денег. А еще она влюблена в одного футболиста, но как

завоевать его расположение, если фирма, на которую она в последнее время работала, выбрала «лицом сезона» не ее, как она надеялась, а подругу, с которой они раньше вместе снимали квартиру, потому что та провела целую неделю с их менеджером по рекламе. Что я могу на это ответить? Я говорю, что выбор на самом деле очень прост – или ты принимаешь правила игры, или возвращаешься домой. Третьей возможности не существует. Ужасно говорить такое, но я, по крайней мере, честна и никого не обманываю. Ты или будешь плавать в этой грязи, или... Вот так. Словом, до сих пор я полагала, что ваши правила другие, но теперь я в этом уже не уверена. Правда, твой Юрген как будто не требует от тебя постельных услуг...

– Я думаю, он в этом не нуждается, – вставила Анника. – По-моему, он гомик.

– И все равно, хотя бы посмотреть на тебя он хочет.

Кая умолкла, нервно стряхивая пепел в пепельницу. Если исключить курение, то двоюродная сестра ужасно напоминала Аннике бабушку Викторию – такой же холодный логический ум и внутренняя честность. Она, Анника, могла иногда себя обманывать, внушать, что дела не так и плохи, как кажутся, Кая этого явно не делала.

– Ты спросишь теперь, почему я продолжаю работать в этом притоне, почему не беру расчет? – продолжила Кая неожиданно. – Конечно, если бы я попала за границу немного более опытной, может, я сумела бы остеречься от такой работы, но я же была молодая и глупая, только что окончила университет и только и думала, как бы удрать из дому, атмосфера, которая там царила, меня ужасно угнетала. Я очень люблю маму, и тетя Моника, объективно говоря, тоже очень милый человек, но все вместе в одной квартире мы просто не помещались, психологически, конечно, вообще там места хватало. И потом мне попался Бруно, и папа Пээтер тоже подбадривал, что, естественно, поезжай, в Эстонии умному молодому человеку делать нечего. Вот я и отправилась. Сначала Бруно хотел, чтобы и я стала моделью, но эту опасность я сразу элиминировала, вот он и устроил меня на работу в качестве ассистента по менеджменту, ну, с одной стороны, чтобы я немного зарабатывала, а с другой, чтобы держать меня под контролем. Работу по специальности в Италии найти было невозможно, филологов у них у самих пруд пруди. А через некоторое время мы с Бруно поссорились. Почему, это я тебе рассказывать не буду, я об этом даже маме не говорила, но, в конце концов, это и неважно – важно другое, то, что я оказалась перед серьезным выбором – остаться в Милане или уматывать домой. И ты знаешь, ох, как человек не хочет возвращаться в место, которое он однажды покинул – это словно признание своего поражения. Вот я и решила, что побарахтаюсь, сколько смогу, а если уж никак не выдержу, тогда скажу: «Пока, белла Италия!» Никто меня из агентства выгонять не стал, и я тоже не торопилась уходить. Скоро Бруно это стало действовать на нервы, и он пошел поговорить с владельцем, чтобы тот меня уволил – но владелец взял и уволил его! – В первый раз за этот монолог веселость Каи восстановилась, и она засмеялась, громко и победоносно. – Ох, видела бы ты морду Бруно, когда ему сунули в руку конверт с расчетом! Короче говоря, владелец взял продление моего разрешения на работу на себя, может, это звучит не очень скромно, но он был мной весьма доволен. Вот так все и пошло. И куда мне теперь идти? Полгода назад один знакомый предложил устроить меня на работу в страховое агентство, конечно, на заметно более низкую зарплату, но это, может, я еще пережила бы – но когда я стала думать, что надо начинать все с начала... Дело же не только в работе, сейчас я знаю всех, кто занят в этом бизнесе, и они знают меня, а сколько займет времени, чтобы наладить новые отношения? И, если копать поглубже – скажи, чем страховая фирма более благородное заведение, чем агентство моды? Там что, не корысть – главное? Там не выжимают из клиентов последнее, не стараются увильнуть от возмещения ущерба, если есть за что зацепиться? Вот я и решила, что не буду суетиться. Потерплю еще несколько лет, потом посмотрю. Или начну торговать недвижимостью, или и вовсе стану рантье. Куплю себе маленький домик где-нибудь в Тоскане и буду переводить Данте на эстонский. А летом, когда очень жарко, буду ездить в Эстонию. Может, даже выкуплю у тети Моника нашу

квартиру, чтобы себя комфортно чувствовать. Вот такие планы – которые, правда, можно назвать и прожеками.

Она снова нервно стряхнула пепел.

– Но я отклонилась от темы. Мы не договорили про правила игры. Я хотела спросить у тебя об одной вещи, над которой сама давно ломаю голову. Меня интересует твое мнение. Скажи, пожалуйста, как по-твоему, кто эти правила установил?

Анника почувствовала, что краснеет – она не привыкла к абстрактным рассуждениям и не знала, что сказать.

– Я думаю, люди сами, – ответила она, наконец, осторожно.

– Логично, – согласилась Кая. – Но тут есть одно противоречие. Помнишь, перед тем как я начала свой нудный монолог, ты сказала, что между собой певцы вечно ругают постановщиков, а когда возникает конфликт, никто за коллегу не заступится. Если подумать, ведь так это везде. Мы все говорим, что мир отвратителен, но все равно ничего не делаем, чтобы его изменить. Почему? Одно из двух, или мы притворяемся, и на самом деле вполне довольны существующими правилами, или...

– Или? – спросила Анника заинтригованно.

– Или эти правила установили не люди.

– А кто?

Кая помолчала немного, потом раздавила окурок в пепельнице и сказала:

– Сатана.

Анника, кажется, вытаращилась на нее с весьма глупым видом, поскольку Кая сразу рассмеялась – правда, весьма искусственно – и добавила, поднимая бокал:

– Только не думай, католичкой я не стала. Это я просто так, в образном смысле.

Прозит!

Официанты за это время несколько раз подходили к их столу, наливали вино, принесли антрэ, с интересом прислушиваясь к беседе, в которой ни слова не понимали.

Они чокнулись, выпили – Кая допила свой бокал, Анника же только смочила слегка губы – и Кая опять заговорила:

– Если я в Италии по настоящему тоскую по чему-то, то по эстонскому языку. Утром, приходя на работу, первым делом открываю в интернете «Постимээс» и прочитываю, так сказать, от корки до корки, в том числе всю ту гнусную пропаганду насчет того, как мы якобы были оккупированы и как должны быть сейчас счастливы, что у нас свобода и Америка нас защищает.

Она взяла нож и вилку и с аппетитом принялась есть.

– Я тоже, – призналась Анника, присоединяясь к ней.

– Что ты тоже?

– Читаю «Постимээс». Только не утром, а вечером, перед тем как лечь спать.

Эстонские новости и про культуру.

Она не стала добавлять, что страницы культуры ее ужасно раздражают, потому что там почти перестали писать про оперу и балет, как в советское время, зато уделяли много внимания той дребедени, которую раньше называли «легкой музыкой».

Лосось, который они заказали в качестве антрэ, был пересолен, жаркое – как подошва, но Кая словно всего этого не замечала, уничтожала одно блюдо за другим с огромным аппетитом, и только скрежет ножа о тарелку показывал, что при разрезании второго возникают трудности.

– А что делает Биргит? – перевела она разговор на родственников.

– Ничего особенного, работает, воспитывает дочь. – Анника не хотела рассказывать Кае, что брак сестры на грани развала; когда она ездила домой на рождество, Биргит призналась ей в этом, а еще и в том, что она затеяла роман с их общим родственником, сыном дяди Тимо Сассем. – Она как раз вчера позвонила, пригласила в Таллин. Скоро столетие с рождения тети Софии, они хотят поехать на ее могилу. Я сказала ей, что не могу, репетиции, но если сейчас все отменится, то, может, действительно поеду.

Кая заметно оживилась.

– И я! – сказала она решительно. – На рождество я так и не смогла выбраться, поеду хоть сейчас.

Она выпила еще вина и совсем окунулась в ностальгию.

– Знаешь, если в этом мире был кто-то, кого я любила, так это тетя София. Ты же знаешь, после того как папаша Пээтер нас бросил, мы с Кристель все каникулы проводили у нее, летом иногда несколько месяцев подряд. Мы так ждали, когда же опять поедem в Силла, дома после смерти бабушки стало очень нервно, мама вечно билась в истерике. Я понимаю, ей было нелегко, но все же – единственное место, где я чувствовала себя спокойно и уверенно, это у тети Софии. Да, обязательно поеду.

Принесли десерт, Анника хотела заказать еще кофе, но Кая бросила взгляд на часы и вздрогнула:

– Ужас, я опоздаю на самолет.

Глава пятая

ДОРОГА ДОМОЙ

Маша Кае рукой до тех пор, пока синий руассийский автобус не скрылся за поворотом, Анника повернулась и медленно побрела к метро. Пьер, правда, сказал ей, чтобы она непременно взяла такси, но куда ей было спешить? Запись, наверно, еще не закончилась, пока Пьер поедет из студии в театр, поспорит или даже поругается с директором (последнего Анника все же от мужа не очень ожидала, Пьер не был по натуре бойцом) и доберется домой, пройдет не меньше чем часа полтора, а сидеть одной в пустой квартире и нервничать не было никакого желания.

Стемнело, загорелись фонари, в Гарнье было пусто и тихо, наверно, опять не было спектакля, большинство их сейчас шло в Опера Бастий. Анника пела в Гарнье только однажды, «Альчину», опера ей совершенно не нравилась, была скучной, монотонной, но она согласилась, чтобы хотя бы раз попасть на сцену этого прекрасного театра. В зале она сидела чаще, когда она только перебралась в Париж, они с Пьером часто ходили сюда на балет, для Анники это было настоящим событием, ее детство прошло в «Ванемуйне», не только на спектаклях, но и на репетициях, она знала наизусть все великие балеты (их было немного, намного меньше, чем великих опер) и однажды напугала маму почти до смерти в лесу, при сборе ягод, когда спрятала в букетик цветов кусок веревки и потом с криком вытащила его, сделав вид, что ее укусила змея. Ребенком она хотела стать именно балериной и не успокоилась, пока мама не отвела ее в театр к репетитору, и та, обследовав ее, строго не сообщила: «Никаких данных. Если очень хочет танцевать, пусть идет в кружок народного танца». Это было первое большое разочарование в жизни Анники, настолько большое, что когда спустя много лет мама, слушая ее пение, спросила: «Не хочешь ли пойти показать голос нашему хормейстру?», она даже брыкалась вначале...

– Мадемуазель, могу я вам чем-то помочь?

Юноша, который к ней с этими словами обратился, был симпатичен и на вид даже интеллигентен, напоминал Пьера во времена их знакомства, и Аннике даже стоило труда ему не улыбнуться, тот мог интерпретировать это как аванс, и поди потом отделайся от него. Поэтому она вежливо, но прохладно поблагодарила и ускорила шаг, чтобы больше не давать юбочникам повода приставать. Она ведь была не вертихвосткой, а порядочной девушкой из маленького провинциального городка, в жизни которой было только четверо мужчин, а после бракосочетания – никого, кроме законного мужа. Да и двоих из трех прочих можно было назвать ошибкой, оба раза она по неопытности позволила себя соблазнить, однажды на Рухну, когда краснощекий еврей жизнерадостно пригласил ее в гости, посмотреть, как чинят сети, и второй раз в Милане, где итальянские мужчины

вначале казались такими красавцами, что голова кружилась. Единственный серьезный роман, до Пьера, был еще во времена консерватория, они учились на одном курсе, а потом их вместе направили в «Эстонию», там Анника сразу получила большую роль, жених же застрял в хоре... Вот когда она впервые поняла, что такое творческая зависть, жених, раньше такой романтичный, очень быстро превратился в вечно ноющего тирана, капризы которого были невыполнимы, Анника, правда, честно пыталась соответствовать, выдержала почти весь первый сезон, но потом ее терпение лопнуло. И все-таки она еще долго вспоминала это расставание с болью, даже в Милане плакала в подушку, только Пьер заставил ее забыть далекую юность – тот, ранний Пьер, не сегодняшний. Дело не в том, чтобы муж очень уж изменился – не больше чем она сама, а в другом, в подлом времени, способном уничтожить даже самое большое чувство, оставив только милую привычку. Находилось немало таких, кто так и не смог смириться с подобной потерей, многие разводились или обзаводились любовниками, как даже Биргит, но характеру Анники такое не подходило, и, честно говоря, у нее для романтической любовной истории и времени не было, все ее утра и вечера уходило на другого, более требовательного любовника – оперу.

Она и не заметила, как дошла до Османа – улица была вся в рекламах, рождество, правда, осталось позади, но начался сезон распродаж. Из-за репетиций она об этом совсем забыла, сейчас можно было зайти в магазин и купить себе что-нибудь в утешение – но что? Весной она обшарила все этажи Галери Лафайет, ничего такого, что ей понравилось бы, так и не найдя; создавалось впечатление, что все эти брюки, свитера, блузки и майки сшиты не для того, чтобы украсить женщину, а чтобы ее изуродовать, превратить в мужеподобное или даже вовсе бесполое существо. Что бы сказал Золя, увидев, во что превратилось его «Дамское счастье»? Но, с другой стороны, а остались ли дамы, которых можно осчастливить? Наверно, и Юрген посчитал ее за обычную современную женщину, которая во время пляжного отпуска и так гуляет топлес, почему иначе он вышел со своей идеей так буднично...

Мысли снова вернулись к неприятному – но как с этим бороться? То, что произошло днем, пылало огнем внутри, и так, знала Анника, будет еще долго, может, до конца жизни.

На фасаде «С&А» тоже красовалась большая реклама скидок, и Анника, секунду поколебавшись, вошла – в этом магазине иногда еще попадалась приличная одежда, весной она в конце концов именно здесь и обновила свой гардероб.

В магазине было жарко, расстегнув куртку, Анника рассеянно ходила между штангами, притрагиваясь то к одной вещи, то к другой, оставляя, однако, все там и висеть, то ей не нравился цвет, то фасон, то ткань – она терпеть не могла все эти акрилы и полиэстеры, в которые современные производители одежды старались облечь женский пол, так же, как не терпела и модные стиральные порошки и прочую химию, и даже кондиционер – не то чтобы она была какая-то принципиальная «зеленая», просто ее тело и – особенно – голос не выносили ничего искусственного, она сразу начала потеть или кашлять. Она любила шерсть, хлопок и шелк, но эти материалы встречались крайне редко. После долгих поисков она нашла один розовый свитерок из ангоры с высоким воротником, выстояла длинную очередь в примерочную и закрыла за собой занавеску – тут можно было раздеваться так, чтобы никто тебя не видел. Оставшись в белье, она минутку изучала себя в зеркале – нет, стесняться ей было нечего, грудь не обвисла, на талии, пустив в ход руки, можно было найти несколько складок, но в глаза они не бросались, и вообще – полнота шла Аннике, делала ее женственнее, чем она, в противном случае, была бы со своей ногой тридцать девятого размера.

Однако, это не означало, что она должна демонстрировать всем свою плоть, наподобие какой-нибудь голливудской шлюхи (вот кого надо было привести для сравнения вместо стриптизерш, подумала она с сожалением – самые меткие реплики всегда приходили в голову с опозданием).

Она примерила свитер, он сидел неплохо, да и розовый был ее любимым цветом – но разве стоило тратить столько денег на какую-то тряпку? Даже после скидки свитер стоил недешево, для многих французов цена эта была, конечно, пустяковой, но ведь Анника знала, какова – или, вернее, как мала – пенсия ее родителей. Конечно, она поддерживала их, отправляла каждый месяц небольшую сумму – и все же, имела ли она моральное право на такую покупку? К счастью, она привыкла экономить, в Милане она вообще ничего не могла себе позволить, только в последние годы стала обращаться с деньгами немного свободнее – но теперь, после отмены спектакля, надо было с этим покончить.

Снова одевшись, Анника вернулась в торговый зал, поколебалась немного и повесила свитер туда, откуда взяла.

Вагон был даже не очень полон, пока Анника коротала время в магазине, час пик прошел. Это был поезд RER, и он ехал до Шатле без остановки, но там надо было делать пересадку.

Вот я и вернулась сюда, подумала Анника с горечью, ища в длинных коридорах правильное направление. Хотя она и жила уже много лет в Париже, она так и не научилась ориентироваться в этом огромном подземном городе, где встречались многие линии подземки. Она ненавидела эту станцию, как ненавидела вообще все слишком крупное, сегодня же эта ненависть их-за дневного унижения еще более усилилась. Наверно, именно сейчас Юрген издевается над Пьером, подумала она, намекает на то, что моя вокальная техника не высшего класса, и надо это чем-то компенсировать. Нескольких лет учебы в Италии не хватило, чтобы довести вокальное мастерство до совершенства, опыт помогал скрыть недостатки, но полностью изжить их было, наверно, уже нельзя. Анника завидовала итальянкам, которые словно родились с ариями на устах, пели плавно и без усилий, всем остальным же приходилось помучиться, чтобы научиться даже правильному произношению, не говоря о владении голосом – да, итальянки тоже трудились и потели, взять хотя бы Стефанию, ее подругу по консерватории, которая упражнялась не меньше, чем она, но у нее эти труд и пот потом совсем не ощущались.

Вдруг она услышала за спиной шаги, вернее, как она поняла, эти шаги звучали уже некоторое время, но дошли до ее сознания только сейчас. Тяжелые небрежные шаги – так ходят самоуверенные молодые люди в сапогах, в ковбойских или в армейских, и следовали они точно за ней, в какой бы коридор Анника не свернула, она даже специально сделала пару зигзагов, внимательно прислушиваясь – шаги не отставали. Она почувствовала, как задрожали колени, и выругала себя – тут, среди толпы, не могло быть никакой опасности; однако, инстинкт был сильнее разума. Она уже думала вернуться бегом вверх, но как назло не было видно ни одной лестницы – и тут она оказалась на перроне.

Шаги смолкли, в чем не было ничего удивительного, преследователь, как и она, наверняка тоже остановился. Анника вынула из сумочки пудреницу, открыла ее и притворилась, что изучает лицо, на самом же деле рассматривая тех, кто стоял за ее спиной. Платформа была полна народу, наверно, поезд опаздывал, но, несмотря на это, она сразу распознала преследователя. Тот и не скрывал своего интереса к ней, таращась наглыми карими глазами прямо на нее. У него были темные кудрявые волосы и смуглая, словно доведенная до блеска воском для пола кожа, и он в самом деле был молод и самоуверен.

Араб, подумала Анника со страхом и отвращением и защелкнула пудреницу. Интуиция не обманула ее, с первых же секунд, как она услышала шаги, она представила их владельца именно таким – ибо кто еще, если не арабы, ходили по Парижу неторопливо, по-хозяйски самоуверенные – а ведь они и были хозяевами, все боялись их, старались им нравиться, Пьер, и тот постоянно говорил про ответственность, которую французы несут перед теми, кого они когда-то колонизировали. «Разве ты не помнишь, что написал Сен-

Экзюпери про прирученного лисенка?» – спрашивал он укоризненно – укоризненно, поскольку Анника не разделяла терзаний его совести и имела на это причину.

Поезд подъехал, он был битком набит, но тут, в Шатле, многие вышли, и Анника, которая сначала подумала, что подождет следующего, влезла в вагон. Сесть было некуда, пришлось стоять в проходе, и она больше всего боялась, что араб протолкнется к ней и начнет об нее тереться, однако этого не произошло. Она уже подумала, что тот остался на перроне, но сразу же снова почувствовала на себе взгляд. Осторожно повернув голову, она увидела, что араб стоит у двери напротив и пожирает ее глазами. Что-то безумное было в этом взгляде, такое, чего у французов она не встречала, араб, кажется, был готов на все, чтобы заполучить тело, которое его привлекло, и Анника ощутила, что вспотела от страха. Ну зачем я села в метро, почему не взяла такси, как велел Пьер, пожалела она, тут же подумав, что, возможно, поступила так нарочно, чтобы поддразнить судьбу или испытать крепость своих нервов. Если последнее, то эксперимент провалился, ибо как она ни старалась, а подавить страх не могла.

Поезд остановился на Ситэ, двери открылись, и внезапно у Анники возникло страшное желание оттолкнуть всех с дороги и вырваться на перрон – но подобное поведение выглядело бы все же чересчур диким, и пока она колебалась, двери снова закрылись. Я знаю, что я сделаю, подумала она, я выйду на Сен-Мишель и остановлюсь у поезда. Если он последует за мной, я быстро прыгну обратно в вагон, вряд ли он осмелится преследовать меня настолько открыто, а если осмелится, то я смогу попросить у кого-то помощи без того, чтобы меня сочли сумасшедшей.

Всю дорогу от Ситэ до Сен-Мишель она ощущала на себе взгляд араба, тот словно щупал ее, сантиметр за сантиметром. Затем поезд замедлил ход, Анника извинилась, прошла мимо других к выходу, и когда дверь открылась, вышла на перрон. Араб не последовал за ней, Анника подождала, пока двери снова закрылись, поезд сдвинулся с места и исчез в тоннеле, и только после этого вздохнула с облегчением. Да, я больная, подумала она, и, наверно, уже никогда не выздоровею.

Это случилось давно, в первый год их брака, она съездила домой навестить родителей, и дядя Пээтер попросил, чтобы она отвезла одному живущему в Париже эстонскому эмигранту несколько его книг. Когда она вернулась в Париж, Пьера не было дома, ему пришлось неожиданно поехать в Бордо, где его мать попала в автоаварию, и Анника, не дожидаясь возвращения мужа, простодушно отправилась выполнять просьбу дяди одна. Эмигрант жил на другом конце города, тоже в спальном районе, но совсем иного рода, Анника поняла это, как только сошла с поезда, однако поворачивать обратно не стала, стыдясь собственной трусости.

Эмигрант оказался чудаком-богемой, в его квартире царил жуткий беспорядок, везде стояли бумажные пакеты с вином – именно пакеты, поскольку, по его объяснениям, единственное вино, которое еще было пригодно для питья, это испанское в пакетах, все французские вины в бутылках были отравлены пестицидами – и вот этой богемностью, наверно, и можно было объяснить ту беззаботность, которую хозяин проявил, не встретив Аннику на станции и не проводив ее туда при возвращении. По дороге к его дому Анника заметила у одного большого, с тремя или четырьмя подъездами здания компанию молодых арабов, которые изучали ее с откровенным любопытством – что эта блондинка тут делает? Когда она отправилась в обратный путь, парней уже видно не было, кругом было пусто, пустым казался и сквер, который следовало миновать, чтобы добраться до станции, но в один момент Анника почувствовала, как все вокруг словно накаляется – как будто рядом с ней ударила с чистого неба молния. Она не успела ничего сделать, ни убежать, ни даже закричать, с такой безумной скоростью все произошло, чья-то вонючая потная рука закрыла ей рот, кто-то другой схватил за ноги, пытаясь поднять и повалить, кто-то лапал грудь...

Она не помнила, что именно она сделала, ударила, то ли рукой, то ли ногой, или укусила – наверно, все одновременно – но вряд ли это помогло бы, если бы вдруг не

послышался громкий лай. Компания исчезла так же молниеносно, как и появилась, и Анника осталась на тропинке одна, с растрепанными волосами и оторванной от блузки пуговицей, но живая и невредимая, со стороны станции же приближалась пожилая супружеская пара с собакой.

Пьеру она не сказала ни слова, она еще недостаточно его знала и не была уверена, как он отреагирует – может, будет ревновать? Позже, правда, у нее несколько раз чесался язык, но рта она так и не открыла – у нее не было удовлетворительного ответа на вопрос, почему она не рассказала об этом раньше. Потихоньку происшествие стало забываться, если вначале, встретив араба, она всегда вздрагивала, то через два-три года проходила мимо них довольно спокойно, нескольких коллег (их было немного, опера – не арабский жанр) могла даже сердечно приветствовать.

Но, несмотря на это, начиная с первого дня, когда она получила избирательное право, она на всех выборах, тайком от Пьера, говоря ему, что голосует за социалистов, на самом деле отдавала свой голос Ле Пену.

Придя в себя, Анника осмотрелась – перрон снова стал заполняться людьми. Это были не арабы, а самые обычные французы, одетые просто, дешево, усталые после рабочего дня.

Не было никакого желания продолжать путь на метро, и Анника быстрым шагом пошла вверх по лестнице – на улицу, на воздух.

Глава шестая

ВЕЧЕР

Пьера еще не было, хотя Анника убила немного времени в книжном магазине на бульваре Сен-Мишель, вернее, в его музыкальном отделении. Ни одного диска она так и не купила, трудно было найти что-то интересное, все более или менее ценное у них уже было. Она с удовольствием после магазина прогулялась бы еще, жизнерадостная атмосфера этого бульвара всегда успокаивала ее, но дорога домой пролегла по переулкам, и после того, что случилось в метро, она не хотела припоздниться. Войдя в темную квартиру, где никто не поспешил ей навстречу с криком: «Мама пришла, мама пришла!», Анника снова подумала, что сейчас был бы последний шанс обзавестись детьми – но что делать с пением? Интересно, как эту проблему решила Джузеппина, в книгах много писалось о таланте Стреппони и о ее романе с Верди, но что случилось с детьми, которых у нее было, кажется, целых трое? Об этом авторы молчали, наверно, не о чем было писать, судьба детей художников незавидна.

Сменив одежду на домашнюю, она прошла на кухню – послеобеденный кофе так и остался не выпитым, и голова трещала. Так, конечно, можно было потерять сон, но Анника утешила себя мыслью, что, судя по всему, завтра она может дрыхнуть до полудня.

Кофе в семье обычно варил Пьер, поэтому Анника удовольствовалась растворимым, добавила ломтик лимона и ложку сахара, переместилась с кружкой в гостиную, села на диван, поджала ноги под себя, и вдруг почувствовала, как словно сами собой хлынули слезы. На секунду возникло страшное желание упаковать чемодан, заказать такси и поехать в аэропорт, чтобы при первой возможности, хоть с тремя пересадками, полететь домой, в Тарту, но когда она подумала о том, что ее там ожидает – малюсенькая комната в квартире родителей, правда, с любимым мишкой на кровати, которого (интересно, что игрушечные животные склоняются в родительном падеже как одушевленные, впрочем, неудивительно, в каком-то смысле они куда более одушевлены, чем многие люди) мама, несмотря на насмешки отца, хранила как икону, пыл угас. Ничего не поделаешь, ее дом был теперь здесь, и начать все сначала, купить квартиру в Тарту, или, скорее, тогда уж в Таллине, обставить ее, снова привыкнуть к климату и к людям – на

это у нее не хватило б сил. Как сказала Кая – они не могут вернуться, поскольку это означало бы признать свое поражение? Проигравшей Анника себя, может, и не почувствовала бы, но чужой – да. Человек все выбирает, выбирает, выбирает, или – если у него более слабый характер – позволяет случаю бросать себя туда, сюда, еще куда-то, но в какой-то момент выясняется, что больше развилочек на дороге нет, остается лишь шагнуть дальше по той тропинке, на которую ты попала...

Было слышно, как открывается входная дверь, и Анника стала поспешно вытирать слезы. Висморкавшись, она спрятала платок в карман и поспешила в прихожую – у них было принято, что когда один приходит домой, другой обязательно идет встречать.

Единственного взгляда было достаточно, чтобы понять – муж чрезвычайно доволен собой.

– Ты плакала? – спросил Пьер, обняв Аннику и поцеловав ее в волосы. – Не плачь, все в порядке. – И стал раздеваться.

– Что может быть в порядке? – спросила Анника уныло, хотя после слов мужа в ней вспыхнуло пламя надежды.

– Завтра в одиннадцать репетиция, тебя ждут, и ты можешь идти спокойно, никто тебя раздевать не будет. Кроме меня, но я предпочитаю делать это дома, – перешел он на шуточный тон. – Хотя даже это под большим вопросом, поскольку еще немного, и я героически умру голодной смертью...

– Ужасно, ты из-за меня не успел пообедать! – испугалась Анника. – Сейчас посмотрю, что я смогу быстренько приготовить.

Она побежала на кухню, оставив мужа снимать обувь. Что-то в холодильнике, конечно, было, но пока мясо оттаивает...

– Омлет спасет твою жизнь? – крикнула она.

– Надеюсь.

В Италии Анника научилась нескольким тамошним рецептам омлета, один, со спелыми помидорами, сейчас, зимой, соорудить никак было нельзя, но вот с эстрагоном...

Пьер ел с большим удовольствием, попивал вино и рассказывал Аннике, что случилось в Шатле.

– Как только я переступил порог, сразу понял: они в панике. Подумай сама, за пару недель до премьеры все повисло на волоске. В театре, конечно, привыкли, что всегда что-то может случиться, кто-то заболит или еще что-нибудь – но никто не мечтает, чтобы это произошло. А тут еще двойная проблема – найти не просто певицу, а такую, которая проделает то, что ты презрела. Ну, какую-то честолюбивую девицу они, возможно, и нашли бы, но умела ли бы та петь? Словом, этого они не хотели, и к тому же договор все же на твоей стороне. В какой-то другой ситуации они на него, может, и наплевали бы – поди судись с ними – но в данную минуту они на конфликт не настроены. Я думаю, тут и заслуга Джованни. Он сидел в углу и молчал, но по его лицу хорошо было видно, на чей он стороне. Директору он свое мнение тет-а-тет наверняка высказал, и тот сделал соответствующие выводы. С дирижером все же принято считаться...

– А Юрген? Он присутствовал? – спросила Анника.

– О, ну как же без Юргена! – рассмеялся Пьер. – Сидел с прямой спиной, на лице аристократическая усмешка – вылитый Караян. Я не удивился бы, если он и есть какой-то бывший «фон», надменности у него, по крайней мере, хватает. Извинился, что заранее не ознакомился с условиями контракта, он, видите ли, во время работы думает только о творческих проблемах, и выразил удивление, почему ты ему об этом сразу не напомнила, вместо того чтобы хлопнуть дверью...

– Ах это я хлопала дверью! Да он же выкинул меня из зала! Вот-вот, настоящий барон. Кто знает, может, его предки были балтийскими немцами, а то с чего он взял, что может так легко мной командовать...

– Подожди, послушай, как он продолжил. Я бы назвал это небольшим шедевром в духе Макьявелли. Правда, сказал фон Юрген, даже после того, как он трижды с начала до

конца прочел договор, он не понял, с чего это ты, человек, посвятивший свою жизнь искусству, можешь истолковать его идею как унижение своего достоинства. Он же не высосал эту мизансцену из пальца, он объяснил тебе, чего добивается...

– Фарисей!

– Однако это, дескать, вопрос не принципиальный, он может использовать и другие выразительные средства. Только – добавил он – он тоже человек, он работает дни и ночи напролет, чтобы спектакль был готов вовремя, и не может постоянно что-то менять. Поэтому, чтобы больше не возникло никаких конфликтов, он хочет точно знать, что ты подразумеваешь под «унижением женского достоинства».

– Будто трудно догадаться!

– Так он утверждал. И, надо признать, я немного замешкался с ответом. Жаль, что тебя самой там не было...

– Что же ты им сказал?

– Ну, я перечислил все, что мне пришло в голову – что ты не желаешь носить костюмы, которые обнажали бы тебя больше, чем это прилично при чужих людях, и не желаешь делать движения и принимать позы, имитирующие половой акт... Ничего другого мне в голову не пришло.

Анника напрягла мозги – действительно, что же еще? Она тоже не смогла ничего придумать.

– Я думаю, этого достаточно, – сказала она.

– Я тоже надеюсь, но мне не понравилось, что Юрген попросил меня подтвердить, что теперь все. Я пытался оставить этот вопрос открытым, но принципиальное согласие он у меня вырвал.

На миг у Анники возникло дурное предчувствие, но она объяснила это своей трусостью.

– По-моему, ты все сделал, как надо, – сказала она. – Больше условий ставить было нельзя, это уже выглядело бы как капризы примадонны.

Она встала, обошла стол, обняла мужа сзади и поцеловала в висок.

– Мой большой и умный муж, – промурлыкала она.

Пьер презрительно фыркнул, но Анника знала, что в глубине души он польщен. Она вспомнила, что еще не задала вопроса о том, как прошла запись, и быстро исправила свою ошибку.

– Да обычная болтовня, – махнул Пьер рукой. – Ты же знаешь, мы, французы, любим три вещи – есть, заниматься сексом и говорить. Две первые там не предлагали, но вот высказываться каждый мог по полной. Ах, как замечательно поет икс и как великолепно имярек – хотя мы все знаем, что бельканто уже никто не владеет. Это искусство утеряно.

При упоминании «трех вещей» Анника захихикала и вдруг почувствовала, что у нее скребет в горле. Неужели она простудилась? Пьер, заметив ее тревогу, спросил, в чем дело, и Анника, воспользовавшись случаем, попросила его сесть ненадолго за рояль.

– Голос какой-то странный. Хотела бы проверить, все ли в порядке.

Муж с удовольствием выполнил ее просьбу, одно время они часто вместе репетировали, а новые партии Анника до сих пор сперва проходила с Пьером, он, конечно, не был профессиональным аккомпаниатором, но компенсировал посредственность игры умом, находя такие эмоциональные нюансы, до которых не додумалась даже Жанина.

К счастью, с голосом ничего не случилось, поскребывание исчезло сразу после первых нот, и Анника успокоилась.

– Ладно, в таком случае пойду немного поработаю, – сказал Пьер и закрыл крышку рояля.

Он отправился в кабинет, Анника же, убрав со стола и вымыв посуду, вернулась в гостиную, села на диван, снова поджала под себя ноги и вытщила со стоявшей рядом

этажерки одну из книг, которые в последний раз привезла с собой из Тарту – на французском языке она серьезную литературу читать не могла, только детективы. Открыв первую страницу, она попыталась сосредоточиться, сначала это вроде бы удалось, но вскоре мысли само собой отделились от романа. Гуляя по Сен-Мишель, она думала, что завтра пойдет в Люксембургский сад, его атмосфера, с приподнятым настроением, которое излучали студенты, нравилась ей, особенно тянуло ее туда зимой, когда аляповатые пальмы заменяли красивыми печальными бессмертниками, пышные кисти которых свисали из мраморных ваз, расставленных на балюстраде, но теперь это, конечно, отменялось. Да и отмечать столетие тети Софии она поехать не сможет – но зато с ней опять ее Виолетта. От этой мысли ее охватило знакомое ощущение счастья, ведь она так долго мечтала об этой роли. Бедная Виолетта – после того как Анника сегодня увидела жалкий строй молодых проституток, она еще лучше стала понимать свою героиню. Возникло минутное желание пойти рассказать Пьеру о дневном приключении – но муж всегда работал очень сосредоточенно и раздражался, когда ему мешали. Да и понравится ли Пьеру, что жена бродит по подозрительным местам?

Интересно, подумала Анника вдруг, а почему муж все-таки днем не сразу ответил на звонок? Может, он вовсе и не был в библиотеке, а проводил время именно с такого рода девчонкой, возможно, даже на той улице?.. Ведь сам же только что утверждал, что французы любят есть, болтать и заниматься сексом...

Но это было нечто такое, чего она никогда не узнает. Есть вопросы, которых не задают, и есть тайны, о которых не говорят – разве и она не скрывала давнишнее происшествие с арабами? И разве она точно так же не собирается скрыть сегодняшней случай в метро?

Ее мысли прервала мелодия, вырвавшаяся из сумочки – это оказался Карлос, который, несмотря на поздний час, спешил выразить свою радость, что все так счастливо кончилось.

– Мы все переживали за тебя, – сказал тенор. – Все, Джованни, Роберт, я... Роберт (это был баритон) сказал, что если бы он был на репетиции, он не дал бы делу зайти так далеко. Он просил передать тебе привет... – Карлос еще немного поболтал и затем быстро распрощался – наверно, вспомнил, что надо беречь голос.

Вот такие они есть, подумала Анника, смотрят, с какой стороны ветер дует...

Она положила мобильник на стол и пошла в ванную, чтобы сделать маску для лица.